

Он сказал:

— Я хочу запросить не только ваше мнение, режиссёр У, но, что более важно, мнение сценариста Цзоу Чуньшэна. Даже если это сценарист, который бросил работу на полпути, он не пожелает видеть, как его сценарий изменён до неузнаваемости. Режиссёр У, вы знаете, я сценарист, на котором висит судебный процесс по авторским правам, я очень ясно понимаю, что после таких изменений у учителя Цзоу будет достаточно оснований подать на меня в суд и доставить мне больше хлопот.

У Цзяньань вдруг в панике начал объяснять:

— Чуньшэн не подаст в суд на учителя Ханя. На самом деле, мне вчера было неловко вам сказать, но ему очень нравятся ваши сценарии, и он не безответственный сценарист, просто у него нет возможности продолжать менять сценарий. И я тоже...

Он остановился и сказал:

— Я тоже не могу заставить его продолжать менять.

Сценарий сложный, временной разрыв слишком велик, подорвать уверенность сценариста — обычное дело.

Хань Сюнь не собирался винить Цзоу Чуньшэна за выход на полпути, он только по фактам сказал:

— Моё первое условие, чтобы взять этот сценарий, — лично увидеться с Цзоу Чуньшэном. Изменяя его сценарий, я должен получить его одобрение, если нужно, я подпишу с ним соглашение, гарантирующее, что изменение сценария прошло с его согласия и получено признание.

Лицо У Цзяньаня сразу стало некрасивым, он нерешительно сказал:

— Учитель Хань, он, возможно... неудобен.

Хань Сюнь нахмурил брови:

— Что?

У Цзяньань крепко сжал руки вместе и болезненно сказал:

— У Цзоу Чуньшэна обнаружили лимфому, он сейчас лежит в больнице для лечения.

Примерно через два дня Хань Сюнь увидел Цзоу Чуньшэна.

Он шёл за У Цзяньанем в стационар Объединённой больницы, только добравшись до одиннадцатого этажа, можно было увидеть, что добавочные кровати в коридоре заполнены больными.

Весь этаж больницы был наполнен шумным кашлем и разговорами, гудением звука, совсем не похожим на место, подходящее для тихого отдыха больных, на каждом лице было написано измождённость.

У Цзяньань знакомой тропой повёл Хань Сюня в палату, только войдя, можно было услышать звук ретро-музыки, единственный настенный маленький телевизор в палате показывал

«Путешествие на Запад», которое никогда не надоеет.

На руке у Цзоу Чуньшэна стояла игла для инфузий, он делал вливание.

Он закрыл глаза, спокойно дышал, на щеках появилось много маленьких пятен синего и фиолетового цвета, волосы торчали на голове пучками, уже были почти обриты.

Родственник из той же палаты вошёл и дружелюбно сказал У Цзяньаню:

— Ты посмотри за его жидкостью, скоро закончится, раньше он во время вливания уснул, медсестра не пришла, я вернулся, гляжу — кровь уже обратно потекла и иглу закупорила, только заново сменил иглу. Вы, родственники, наберитесь совести, только что сделал химиотерапию, нужно хорошо ухаживать за ним.

— Спасибо, хорошо, спасибо, — У Цзяньань был полон благодарности к родственнику больного, нервно поднял голову, посмотрел на бутылку для вливания, только тогда издал звук и крикнул.
— Чуньшэн, Чуньшэн.

Взгляд Цзоу Чуньшэна растерянно проснулся, увидев У Цзяньаня, на онемевшем лице появилась слабая улыбка.

— Режиссёр У, почему вы пришли? Как снимается кино, успешно?

У Цзяньань помог ему поднять кровать, дал ему прислониться, солгал:

— Успешно, успешно, не волнуйся.

Цзоу Чуньшэн говорил, мысли немного замедленно:

— Я помню, позади есть сцена, ты сказал, что нужно поменять, я долго думал, чувствую, если поменять, легко будет разрыв, с предыдущим не сойдётся, и ещё...

Это тоже человек, который, говоря о сценарии, не может остановиться.

У Цзяньань прервал его и сказал:

— Не думай, хорошо лечи болезнь, мы нашли сценариста, который меняет сценарий, и ты точно не догадываешься, кто он!

Сказав это, он посмотрел на Хань Сюня.

— Учитель Хань, Хань Сюнь. Чуньшэн, мы пригласили учителя Ханя менять нам сценарий!

Цзоу Чуньшэн думал, что У Цзяньань говорит слова утешения ему, но он только поднял глаза, сосредоточился и ясно увидел незнакомца, пришедшего с У Цзяньанем.

Выдающаяся внешность, он в новостях, газетах, журналах сплетен и в интернете видел бесчисленное количество раз.

Он не знал, откуда взялась сила, сбросил одеяло, чтобы встать.

— Учитель Хань, учитель Хань, здравствуйте, я, я зовут Цзоу Чуньшэн, сценарист.

Цзоу Чуньшэн отличался от того, что представлял Хань Сюнь, на его худом как скелет лице

была полна улыбка, даже если всё тело пронизывало слабое дыхание больного, речь была полна жизненных сил, не похоже на человека, написавшего «Спасение века» такой трагедии.

Они сидели в шумной палате, сопровождаемые классической музыкой «Путешествия на Запад», обсуждали сценарий.

Хань Сюнь высказал свои идеи, отношение Цзоу Чуньшэна было точно таким же, как у У Цзяньяня.

Хорошо, слишком хорошо, всё слушаем учителя Ханя!

У двух людей даже выражения лица были очень похожи, Хань Сюнь в какой-то момент чувствовал, что у них, возможно, есть кровное родство.

Получив полное признание от оригинального сценариста, в сердце Хань Сюня также появился план изменения «Спасения века».

Прежде чем уйти, он всё ещё спросил:

— Почему ты написал чистую трагедию?

Неважно, выносить на экран или осуществлять мечту сценариста, комедии более популярны.

Цзоу Чуньшэн смущённо рассмеялся и сказал:

— Учитель Хань, я хотел написать грандиозную трагическую жестокую сценарий, заставляющий задуматься, результат силы слишком плохие, написал, осталось только жестокое.

Даже в болезни отношение Цзоу Чуньшэна было особенно серьёзным, он сказал:

— Поэтому я надеюсь, учитель Хань сможет спасти этот фильм, позволить ему помимо жестокого, существовать более осмысленно.

Смысл.

Хань Сюнь всё время искал смысл создания сценария, заставить людей смеяться, принести радость, побудить людей продвигаться вперёд, заработать деньги и получить прибыль — всё это смысл.

Но «Спасение века» другое.

Он изначально думал, что оригинальный сценарист циничен, все тщетные борьбы мира записал в сценарий, просто для того, чтобы с позиции Бога посмеяться над живыми существами как муравьями, пытающимися сдвинуть большое дерево.

Однако выйдя из больницы, он чувствовал только тяжесть.

Цзоу Чуньшэн хотел написать сценарий о надежде твёрдой веры в безвыходном положении, но по развитию сюжета он не мог контролировать пессимизм в сердце, что привело к тому, что вся история как огромный корабль, врезающийся в айсберг, не могла быть повернута назад, пронизывала трагическое.

Он не верил, что человечество может победить судьбу, и молился, чтобы человечество могло

твёрдо выжить.

Противоречивые мысли заставили его следовать сердцу, создать трагедию до крайней степени, полностью забыть надеть комедийную оболочку.

Легко изменить на оптимистичное кино главной мелодии, трудно сохранить противоречие и борьбу Цзоу Чуньшэна.

«Спасение века» в планах Хань Сюня должно быть полностью сценарием, принадлежащим Цзоу Чуньшэну, как Цзоу Чуньшэн с горящим взглядом сказал — жизнь прекрасна и драгоценна, когда герои выбирают отказаться от такой драгоценной прекрасной жизни, чтобы защищать более далёкое прекрасное будущее, не очень ли это романтическое дело.

Герои не безрассудные исполнители, а группа безымянных героев.

Поэтому он хотел толкнуть эту историю, уклонившуюся с дороги, обратно на правильный путь.

Позволить ей быть полной надежды, сиять жизнью.

Сюй Сымяо ждал у входа в Объединённую больницу весь день, дождался всё ещё задумчивого Хань Сюня.

Он стоял перед Хань Сюнем эффектно и красиво, указательные и средние пальцы обеих рук были вместе, другие пальцы сжаты, помахал перед глазами Хань Сюня и сказал:

— Великий сценарист, угадай, что я тебе приготовил сюрприз?

Хань Сюнь вышел из больницы, полной больных, увидел Сюй Сымяо, настроение сразу стало очень плохим.

У него не было настроения отвечать на игру Сюй Сымяо по прихоти, даже эти махающие перед глазами пальцы казались раздражающими.

Поэтому он прямо посмотрел на глаза Сюй Сымяо в ожидании, безжалостно сказал:

— Я хочу хорошо изменить сценарий, Сюй Сымяо, ты больше не беспокой меня.

Сюй Сымяо немного обиделся.

Он как бы сказал, качественный высокий богатый красавчик, как в сердце Хань Сюня, осталось только беспокоить.

Вспомни начало, что бы он ни говорил Ханю Сюню, Хань Сюнь будет выполнять.

Просил стонать в постели — стонал, просил целовать лицо — целовал, послушный без выражения лица, иногда ещё поднимает пленительную улыбку, злит окружающих зрителей, которые выкрикивают: бесстыдник.

Сейчас, всё ещё без выражения лица Хань Сюнь, больше не так для него улыбается.

Ещё считает его беспокоящим.

Эх.

— Даниэль, ты можешь не вздыхать, — Рекс уже почти заразился вздохом Сюй Сямю, такое низкое настроение действительно не подходит при просмотре «Героев зелёного леса», — очень убивает настроение.

Взгляд Сюй Сямю косо посмотрел на Рекса, он слишком мягок к Рексу, посмел пренебрегать им, старшим братом.

Рекс нажал паузу, он гарантирует, если не быстро успокоить гнев Сюй Сямю, в следующий момент его отправят работать сверхурочно.

<http://bllate.org/book/16443/1491249>